

АЛЕКСАНДР БЛОК ВО ФРАНЦИИ

Обзор Жоржа Нива (Женева)

Несмотря на добрый десяток французских переводов «Двенадцати», несмотря на известное число научных статей, две диссертации и статьи в энциклопедиях, Блок во Франции почти неизвестен. Главная причина этого — отсутствие истинно поэтических и доступных переводов, способных заставить французскую читающую публику воспринять художественный текст.

В 1923 г. Сидерский опубликовал перевод «Двенадцати», который был подан как «окончательный»; сегодня этот перевод забыт бесповоротно, как и многие другие, за ним последовавшие... В конечном счете проблема «Блок во Франции» есть, по сути, проблема поэтического перевода на французский язык.

Всего лучше в связи с этим процитировать предисловие к одной из многочисленных антологий русской поэзии, появившихся во Франции после 1945 г. (ни одной из них не посчастливилось оказаться принятой массовым читателем). В 1947 г. автор предисловия к антологии Раиса и Робера католический писатель Станислас Фюме говорил: «Пока мы не выучимся по-русски, мы должны, увы, отказаться от надежды услышать ритмы, которые, по словам знатоков, не знают себе равных в мире. Переводы дают представление лишь о красках русской поэзии; о рисунке ее мы узнаем очень немного, о мелодии — почти ничего»¹.

Станислас Фюме напоминает затем, что французская поэзия страдает тем же недугом и при переводах с немецкого или с английского. Эта ее слабость объясняется отсутствием тонического ударения, исчерпанностью запаса рифм и в особенности своеобразием развития французской поэзии от Клоделя до Элюара и Шара. Большие французские поэты современности не «версифицируют» более и еще менее склонны «версифицировать» при переводах. К этим общим трудностям прибавим особую, блоковскую: никто не нашел французского эквивалента для дольника, который «канонизировала» поэзия Блока. Как заключает Фюме, «французская поэзия поет по-иному. Она должна, по слову Поля Клоделя (а он знал, о чем говорит, тем более точно, что создал поразительные стихи, иллюстрирующие это знание), привести все движение слова к последнему слогу мысли, на который в конечном счете опирается голос». Иначе говоря, французская поэзия, глухая к романсу со времен Верлена и Аполлинера, охотно и сознательно склоняется к метафизике.

И все же как раз накануне первой мировой войны появилась замечательная «Антология русских поэтов», обязанная своим рождением поэту и переводчику Жану Шюзвилью². Эта книга, снабженная предисловием Валерия Брюсова, была плодом известной интеллектуальной близости, установившейся между «символистской» Россией и Францией Реми де Гурмона, Рене Гиля, «Меркюр де Франс». Панорама, которую дает Шюзвиль, богата и хорошо представляет век символизма в России. В короткой вступительной заметке к Блоку Шюзвиль подчеркивает простоту этого поэта, который, согласно автору заметки, обладает важным достоинством, а именно не увлекается «чисто умозрительными идеями». Шюзвиль отмечает, что Блок не испытал почти никакого французского влияния, кроме влияния Верлена. Его любимый

жанр—это баллада и романс. «Его поэзия менее чувственна, чем поэзия Кузмина, потому что страсть в ней тронута печалью, она менее судорожна, чем поэзия Брюсова, в ней есть что-то от вольных восторгов Бальмонта, и мне представляется, что именно в этой поэзии чувствительность сегодняшнего дня нашла свое самое совершенное выражение». Переводы Шюзвила выполнены правильным стихом, большей частью—десятисложником. Они не лишены прелести, несмотря на неточности, но иные из них слишком напоминают подражания Мюссе или Готье... В числе самых удачных я назову «Незнакомку» и «Венецию».

Той близости с русскою поэзией, которая живет в книге Шюзвила, мы не встретим вновь ранее, чем через тридцать лет. Не следует упускать из виду, что культурные контакты между Россией и Францией в полной мере будут восстановлены еще намного позже. Война 1914—1918 гг. помешала работе Шюзвила сыграть полностью ту роль, которую она могла бы сыграть.

Блок снова привлек внимание французского читателя благодаря «Двенадцати». Самый первый французский перевод поэмы принадлежал Сергею Ромову и появился в Париже в 1920 г. в издательстве «Ля Сибль»³. Ромов жил в Париже с 1905 г. Сперва он был печатником, потом основал маленькое издательство. В 1918 г. он создал журнал социалистического направления, которому покровительствовали Ромэн Роллан и Барбюс; в 1920 г. он основывает в Париже «Союз русских художников», сочувствующий Советской власти, а в 1922 г.—маленький русский журнал «Удар». До 1928 г., времени своего возвращения в СССР, Ромов в Париже много сделал как организатор франко-советских культурных отношений: так, осенью 1922 г. он устроил банкет в честь Маяковского, вместе со Зданевичем создал театральную труппу. Перевод «Двенадцати», который он опубликовал в 1920 г., в известном смысле был началом этой деятельности. Некоторые элементы графического оформления книги выполнены Михаилом Ларионовым. К сожалению, перевод очень слаб; сегодня его почти невозможно читать, и он не сыграл сколько-нибудь заметной роли в «рецепции» Блока во Франции.

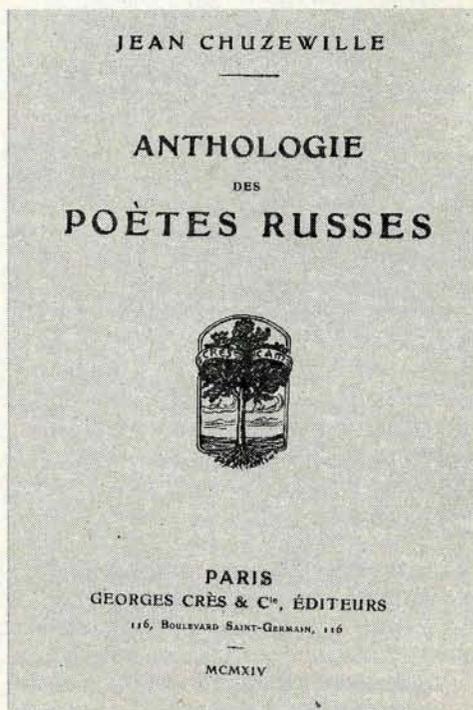
В Бельгии на страницах художественного журнала «Ле Фламбо» появился перевод «Двенадцати», сделанный бельгийским поэтом Робертом Вивье и его женой З. Тазиеф⁴. Однако Р. Вивье, ныне почтенный член бельгийской королевской Академии, ни разу не переиздал своего перевода, поскольку ему теперь кажется, «что этот текст слишком конвульсивно содрогается и слишком отражает хаос эпохи, чтобы быть настоящей поэзией».

Перевод Сидерского⁵ сопровождался несколькими скверно воспроизведенными рисунками Анненкова из русского издания 1920 г. От перевода Ромова он отличается стремлением украсить текст хлесткими рифмами. Есть и находки, но они тонут в стилистических промахах, смысловых ошибках, в жаргоне, употребляемом без меры и не к месту. Р. Вивье и З. Тазиеф также опубликовали свой перевод «Скифов» в «Ревю де Л'эпок» (Париж) в 1922 г.

Отметим, что примерно в это же время, но без обозначения года «Двенадцать» и «Скифы» были напечатаны в Париже по-русски издательством «Мишель»⁶. В книге есть несколько рисунков М. Ларионова и Н. Гончаровой. Текст ненадежен: редактор, например, «исправляет» языковые «погрешности» Блока (типа «электрический фонарик»).

О смерти Блока сообщила «Клярте» в глубоко прочувствованной статье Пьера Паскаля, который жил тогда в Москве⁷. Имя Блока появляется и в других изданиях—это материалы, помещаемые в связи со смертью поэта либо в связи с появлением переводов «Двенадцати». «Нувель ревью франсэз» пишет о Блоке в ноябре 1921, мае 1923 и феврале 1924 г. В мае 1928 г. в томе XXX этого журнала появился отрывок из «Последних дней императорской власти» под заглавием «Отречение царя»⁸. Переводчицей была Елена Извольская, дочь царского посла в Париже, впоследствии автор книги о Бакунине. Полный перевод произведения вышел в Абвиле в 1931 г.⁹ К этому изданию Елена Извольская прибавила короткое предисловие исторического характера. Заме-

АНТОЛОГИЯ РУССКИХ ПОЭТОВ.
СОСТАВИЛ ЖАН ШЮЗЕВИЛЬ.
С ПРЕДИСЛОВИЕМ
В. Я. БРЮСОВА
Париж, 1914
Титульный лист



АНТОЛОГИЯ РУССКИХ ПОЭТОВ.
СОСТАВИЛ ЖАН ШЮЗЕВИЛЬ.
С ПРЕДИСЛОВИЕМ
В. Я. БРЮСОВА
Париж, 1914

Страницы со стихотворениями Блока

180 LES POÈTES RUSSES CONTEMPORAINS



RAMEAUX

Les petits gars et les vierges,
Emportant rameaux et cierges,
S'en vont à pas lents...

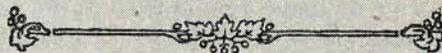
Leurs lumières pâles clignent.
Les rares passants se signent.
L'air sent le printemps.

La brise accourt réjouie.
Et toi pluie... Ah! douce pluie,
N'éteins pas le feu!

Demain dimanche est la Fête.
Avant tous, je serai prête
Pour le jour de Dieu!

ALEXANDRE BLOK

181



L'INCONNUE

Les soirs, un vent fiévreux et lourd oppresse,
Parmi la rue où sont les restaurants;
Alors que juin, à des clameurs d'ivresse,
Mêle son âme aux souffles altérants.

A peine si quelques voix d'enfants crient.
A peine si l'on voit se détacher
Loin, sur l'ennui morne des closeries,
L'enseigne au croissant d'or d'un boulanger.

Et chaque soir, par delà les barrières,
Entre les verts talus de gazon ras,
Les fins roués aux expertes manières
S'en vont, chacun une fille à son bras.

АЛЕКСАНДРЪ БЛОКЪ

ДВѢНАДЦАТЬ
СКИФЫСЪ ДЕВЯТЬЮ ИЛЛЮСТРАЦИЯМИ
Н. ГОНЧАРОВОЙ и М. ЛАРИОНОВАХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО „МИШЕНЬ“
13, RUE BONAPARTE, PARIS

БЛОК. ДВЕНАДЦАТЬ. СКИФЫ

Париж, 1920

Обложка

тим попутно, что имя Блока в этом случае транслитерировано на немецкий лад: Block; примечательна и другая деталь: каталог Национальной библиотеки в Париже приписывает эту книгу отцу поэта.

Начиная с 20-х годов обнаруживается одна из устойчивых — в будущем — черт «рецепции» Блока во Франции: интерес к Блоку христианских кругов, и в особенности левых христиан. В фокусе такого интереса — фигура Христа в финале «Двенадцати». Католический журнал «Фуа е ви» еще 16 декабря 1922 г. напечатал статью К. Мочульского под заглавием «Мастер современной русской поэзии — Александр Блок»¹⁰. Статья подводит итог творческому пути Блока, главная ее тема — блоковское видение России, родины грешной, но хранящей «искру веры». О «Двенадцати» Мочульский пишет: «Невозможно понять очень сложную композицию „Двенадцати“, иначе, как в свете его (Блока) предыдущего поэтического творчества. Это поэма разрушения, песнь бешеного вихря, налетевшего на все социальные и политические ценности и разрушающего их. Вас захватывает головокружительное

движение, опьяняет разнузданная и неукротимая свобода. Вспоминается „упоение на краю бездны“, о котором говорил Пушкин».

Отметим также, что протестантский пастор и богослов Вильфред Моно посвятил свою проповедь, произнесенную 14 октября 1923 г. в часовне Лувра, религиозному значению поэмы «Двенадцать»¹¹.

Сыграла свою роль в «рецепции» Блока во Франции и русская эмиграция. Так, в январе 1923 г. в «Меркюр де Франс» появился перевод статьи Зинаиды Гиппиус «Мой лунный друг Александр Блок»¹². До того статья была напечатана по-русски в русском поквартальном журнале «Окно», а затем перепечатана по-русски же в сборнике «Живые лица»¹³. Гиппиус рассказывает о своих отношениях с Блоком, особо останавливаясь на «дружбе-вражде» Блока с Белым и на стремлении Блока стать «взрослым» и «ответственным», главным образом после смерти новорожденного сына Л. Д. Блок — Мити. В статье описана и последняя встреча Гиппиус с Блоком в 1921 г., в трамвае, в ту пору, когда идеологически между ними не оставалось уже ничего общего.

В 1929 г. в Париже в серии «Панорамы современных литератур» вышла по-французски первая и — на долгое время — лучшая общая работа, посвященная новейшей русской литературе, — «Русская литература» Владимира Познера¹⁴, тоже эмигранта, но, в противоположность Гиппиус, принадлежавшего к тому лагерю внутри эмиграции, который сочувственно относился к советской нови. С живостью, с блеском развертывает Познер полную панораму русской литературы первой четверти XX в. Блок занимает в ней целую главу. Это лучший по тому времени анализ всего творчества Блока по-французски, и в частности «Двенадцати», охарактеризованных как «единственное бесспорно великое произведение, вдохновленное русской революцией». Оригинальность поэмы Познер объясняет разочарованием и, пользуясь знаменитыми словами из «Плясок смерти», называет его «отчаянием ночи, улицы, фонаря,

аптеки». Он заключает, что символизм Блока был не временным «декадансом» литературы, но подлинным возрождением германского романтизма.

В 1931 г. появилась по-французски статья еще одного эмигранта, посвященная «Памяти А. А. Блока». Речь идет об Алексее Ремизове, текст же появился 15 июля 1931 г. в «Ле нувель литтерэр»¹⁵. Это был перевод одной из трех частей маленького сборника «Ахру», увидевшего свет в Берлине в 1922 г.¹⁶

В 1930 г. в русском журнале «Современные записки» была опубликована статья об Александре Блоке, принадлежавшая Георгию Адамовичу¹⁷. В ней и личные воспоминания, и тонкая попытка комментария к творчеству Блока. Сравнительная речь Достоевского о Пушкине с речью Блока в 21-м году, Адамович так вспоминает о знаменитом вечере в Пушкинском доме: «Оратором он не был вовсе. Слез у потрясенных слушателей не исторгал. Он начал речь характерной фразой о „веселом имени Пушкина“. И если все-таки многие из присутствующих на этом пушкинском празднике были глубоко взволнованы, то не потому, чтобы сама речь Блока была так увлекательна или прекрасна... Нет, речь была суховата, осторожна. Но произносил ее Блок, первый современный поэт, законный наследник Пушкина, лучший и вернейший сын России,—никто уже не сомневался тогда, шум, поднятый вокруг „Двенадцати“, улегся, воздух очистился, и, говоря о Пушкине, он говорил о своей гибели».

О пути Блока Адамович пишет: «Путь Блока правильнее определить как религиозно „образный“ или „подобный“: отчасти этим его драма и объясняется». Блок, по Адамовичу, шел от метафизики к морали, от далекого к ближайшему, от мистических душевных ликований к утешению и помощи людям, жертвуя на этом пути всеми своими богатствами, «обворовывая себя». Вся поэзия Блока для Адамовича исходит из темной области человеческого духа, где «затаенные наши мысли как бы переходят из твердого в жидкое или газообразное состояние».

Для того чтобы верно понять смысл полемики Адамовича с теми, для кого «Октябрьская революция — ключ к жизни и гибели» Блока, следует не упускать из виду, что на деле его статья направлена против Зинаиды Гиппиус и ее обращения к Блоку «из-за баррикад»:

Я не прощу. Душа твоя невинна.

Я не прощу ей никогда.

«Прощать Блока не за что, признание невинности уничтожает „баррикаду,„,— пишет Адамович. В 1967 г. появится еще одна попытка истолкования Блока — в книге Адамовича «Комментарии», написанной в Париже, но опубликованной в Америке, и потому рассматривать ее здесь мы особо не будем; отметим лишь, что в ней Адамович дает общую оценку «песенной» интонации Блока и повторяет свой анализ «духовного умирания» Блока, начавшегося задолго, по мнению критика, до физической смерти.

В 1934 г. Венъямин Горелый публикует в Париже другую «панораму»: «Поэты в русской революции». Прежде он уже составил одну антологию (совместно с Рене Бэром), которая вышла в Брюсселе в 1928 г. («Новая поэзия в СССР»¹⁸). Книга 1934 г.¹⁹ посвящена отчасти старым писателям, захваченным революционным ураганом, отчасти же — зарождению пролетарской литературы. Работа эта слабая, страницы о Блоке бледны, неоригинальны.

В «Антологии советской литературы 1918—1934» Марка Слонима и Джорджа Риви²⁰ творчество Блока представлено читателю как «глухое предчувствие неминуемого конца». Авторы подчеркивают парадокс Блока: «Чрезвычайно любопытно то, что именно Блок, один из вождей символизма, завершающего собой целую культурную эпоху, открыл новую главу в русском искусстве и поставил себя меж двух миров — только что рухнувшего и еще не родившегося». Тезис о некоем христианском смысле «Двенадцати» находит решительную поддержку. Перевод «Двенадцати» для этой антологии

выполнен философом Брисом Парэном, но мы вернемся к нему ниже, в связи с более поздним, исправленным изданием.

Итак, к концу 30-х годов во Франции существовало несколько переводов «Двенадцати» и несколько рассеянных по разным изданиям статей об авторе этой поэмы; но ни одной монографии, ни одной важной работы о нем еще не было. О Блоке писалось немало в русской эмиграции во Франции. Улеглась буря вокруг «Двенадцати», недоброжелательству Бунина или Гиппиус пришло на смену чуткое сочувствие Адамовича, Мочульского, Вейдле. Однако не многое из того, чем жила, что писала русская эмиграция, становилось известным широкой французской публике. Между тем после 1945 г. французская публика вновь страстно потянулась ко всему русскому. Этот новый интерес к России привел и к расширению знакомства французов с Блоком.

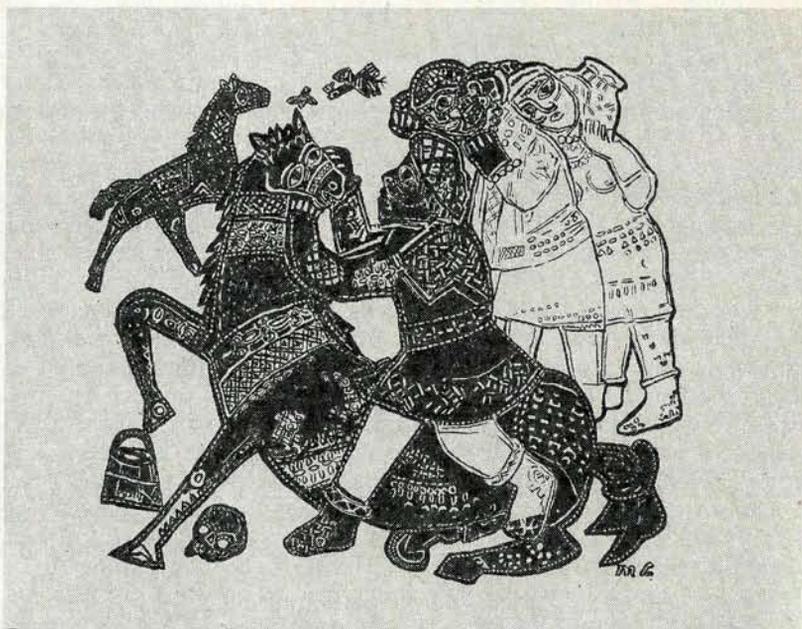
Предварительно отметим, однако, что еще в 1943 г. во Фрибурге (Швейцария) в католическом журнале «Ветера эт нова» появилась подборка стихотворений Блока со вступительной заметкой «Александр Блок, поэт русской трагедии (1880—1921)»²¹. Составители — два французских беженца в Швейцарии Ж. Говэн и Э. Бикер, намерения их строго «христианские»: через Блока постичь «тайну», скрытую в сердце каждого народа.

Блок для Говэна и Бикера — посредник, который поможет понять Россию и отразить натиск «тех, кто мечтает уничтожить этот стопятидесятиmillionный народ в немислимой войне, называемой авторами подборки «крестовым походом». Глубоко антифашистский замысел, таким образом, очевиден, он вписывается в пейзаж Сопротивления, для которого характерны горячие симпатии к Советской России. Блок для авторов заметки — апокалиптический пророк. Христос «Двенадцати» невидим, как невидим он и в жестокой битве истории. Но его появление означает, что в «истории, исход которой неясен», восторжествуют по воле бога справедливость и свобода. Подборка состоит из двух десятков стихотворений, сгруппированных в четыре раздела. Некоторые переводы (принадлежащие Жану Говэну) уже увидели свет раньше — в журнале «Фонтэн» (в январе 1942 г.²²). В числе прочих мы находим «Новую Америку» и отрывок из «Возмездия» (название в переводе — *La rançon*). Особенно удачным получился перевод — «Рожденные в года глухие...» Отрывки из «Двенадцати» — в переводе Б. Парэна — заимствованы из антологии Слонима и Риви. В целом эта публикация, очень тщательная, свидетельствует о возрождении интереса Франции к русской культуре, расцвет которого наступит сразу после войны и в области блоковедения заявит о себе появлением важных монографических работ.

В 1946 г. в Сорбонне была защищена диссертация, опубликованная «Русской библиотекой Института славяноведения» под заглавием «Поэтический мир Александра Блока»²³. Автор этой диссертации — Софи Бонно, впоследствии подписывавшая свои книги другой фамилией: Лаффит. Вплоть до наших дней эта работа остается самым важным трудом по Блоку, напечатанным во Франции, а в некотором отношении — и единственным. Большинство из тех, кто во Франции занимался Блоком в более поздние годы, многим ей обязаны, а некоторые достаточно беззастенчиво из нее и заимствовали.

В монографической работе «Поэтический мир Александра Блока» объемом в 500 страниц рассматривается творчество поэта по тематическому принципу. Автор упоминает все публикации о Блоке, которые к концу 30-х годов увидели свет на русском языке. Показательно, что в библиографии нет ни одного названия на каком бы то ни было ином языке, кроме русского: в ту пору не было почти ничего другого, что заслуживало бы цитирования. Воспоминания Чуковского, Бекетовой, Белого, Зоргенфрея и других прочтены и использованы самым тщательным образом. Единственный обнаруженный нами пропуск объясняется войной: автор не знал переписки Блока с Белым, опубликованной в 1940 г. в Москве. Зато часты ссылки на 27/28-й том «Литературного наследства».

Станным образом театр Блока вынесен в приложение, но этот недостаток композиции книги есть результат университетских порядков того времени:



БЛОК. ДВЕНАДЦАТЬ. СКИФЫ

Иллюстрация М. Ларионова
Париж, 1920

«основная диссертация» должна была сопровождаться «дополнительной», написанной на примыкающую или близкую тему.

Автор книги подходит к поэтическому творчеству Блока как к замкнутому миру, родившемуся по преимуществу из грез и галлюцинаций. Правда, в первых главах выделяются и некоторые «детерминирующие» элементы: семья, влияние Соловьева, влияние трех «сверхрусских» писателей — Тоголя, Достоевского и, в особенности Аполлона Григорьева. Однако самая суть работы — это тезис об однородности и органическом единстве творчества поэта. Блок представлен как отпрыск немецкого романтизма, поэт «темной стороны» поэзии и «изначального мрака». Выделены две линии «воплощений» поэта — «добрая» (Монах, Рыцарь) и «злая» (Пьеро, Герман). Блок, по Бонно-Лаффит, — мистик, но мистик нехристианский, мистик «стихийного начала» и «органических сил» народа. Все у Блока — лишь отражение «инога». Даже музыка дана в «видениях» инога мира.

Работа Софи Лаффит предлагает французскому читателю хороший путеводитель по блоковскому миру. Специалисту она дает много интересных соображений, например — относительно влияния Аполлона Григорьева или причин неудачи Блока в театре. Недостаток работы есть обратная сторона ее достоинств: метод автора можно считать слишком обманчивым. Блок предстает чересчур одиноким, подобным мечтателю, замкнувшемуся в «мире» своих желаний. Соотношение между поэзией Блока и его прозой выяснено недостаточно, и вся работа в целом недостаточно «сопоставительная». Несомненно, следовало бы сравнить этот мир грез и галлюцинаций с другими великими замкнутыми поэтическими мирами, скажем миром Шелли или Бодлера. Но, с другой стороны, верно и то, что само творчество Блока подсказывает такое расчленение тем. Блок первый снабдил тематическим комментарием собственные произведения. В общем метод Софи Лаффит состоит в том, что она выявляет «навязчивые метафоры» поэта (как сказали бы сегодня), и метод этот близок методу Ш. Моррона или Ж.-П. Ришара, т. е.

изучению в художественных фигурах изначального запаса образов, хранящегося в сознании человека.

Отзыв на книгу Софи Лаффит появился в журнале «Критик» в январе 1948 г.; автор ее — Владимир Вейдле. Рецензент оценил книгу очень высоко и не согласился лишь с мыслями о русском театре, высказанными в приложении.

Эта книга оказала известное влияние на интеллектуальную жизнь Франции, в частности — на философа Гастона Башлара, основателя современной школы исследований «воображаемого» и автора четырех важных работ и о расшифровке образов «материи» и изначальных образов четырех стихий в литературе всех времен. Башлар неоднократно цитирует диссертацию С. Лаффит в своей книге «Земля и образы воли»²⁴; он описывает — со ссылками на С. Лаффит — сны у Блока и обращает внимание на фиолетовую окрашенность чувства падения, проводя параллель с Аполлинером и «бездонными фиолетовыми» в его стихотворении «Окна». Коротко говоря, Блок — при посредстве книги С. Лаффит — оказывается для этого исследователя превосходным выразителем «динамики бездны». В другой работе, «Земля и образы покоя» (1948), Башлар кратко отмечает роль змея в поэтике Блока²⁵.

После своего фундаментального труда о Блоке Софи Лаффит возвращалась к этой теме еще несколько раз. В 1953 г. она дала «портрет» Блока в коллективной работе «Знаменитые писатели»²⁶. В 1958 г. она опубликовала в серии «Поэты современности» (у издателя и поэта Сегерса) маленькую книжку «Александр Блок»²⁷, которая по сей день остается единственным французским сочинением о Блоке, вышедшим сравнительно большим тиражом и выдержавшим несколько переизданий. Состав книги очень богат: статья, подборка текстов, множество фотографий, факсимиле документов и даже две акварели автора, изображающие старинный Отель де ла Вэндес Анж в Абервраке в Бретани, где Блок с женою жили в 1911 г. В статье повторяются главные темы «Поэтического мира Александра Блока». Роль жены в жизни Блока освещена лучше, чем в большой книге. Переводы блоковских текстов выполнены Софи Лаффит, за исключением трех, принадлежащих Габриэлю Ару. Переводы прозаические, слегка ритмизованные, отличаются точностью. Впервые появляются во французском переводе несколько отрывков из «Дневников» Блока.

Наконец, те же темы и мотивы встречаются в многочисленных статьях, написанных Софи Лаффит для III тома „Encyclopaedia Universalis” (Париж, 1968)²⁸.

В 1947 г. вышла вторая, посвященная Блоку, работа на французском языке — «Александр Блок и его время» Нины Берберовой²⁹. Берберова знала Блока лично; она была близка к Белому в Берлине. В большей мере, чем С. Лаффит, она восстанавливает семейное окружение Блока и с полным основанием подчеркивает роль матери в жизни поэта. Воспоминания Берберовой о символистах, однако, достаточно скудны и сомнительны. Информацию Нина Берберова часто черпает из мемуаров Андрея Белого, но, по видимому, она не вполне улавливает двусмысленность отношения «аргонавтов» к Блоку. Зато ее догадки о семейной жизни поэта ныне подтверждены мемуарами Любови Дмитриевны. Н. Берберова дает мимоходом любопытный портрет Белого и пытается объяснить резкое изменение его отношения к Блоку, обнаруживающееся в его писаниях. Самая характерная для Блока поэтическая форма — это, по мнению Берберовой, катахреза. Переводы, которые следуют за авторским текстом, принадлежат Г. Ару, Ж. Шюзвиллю, Сергею Карскому, Жану Тасте. «Незнакомка», переведенная бодлеровским десятистишием (Шюзвилль), вполне хороша, так же как и некоторые переводы Ару (например, «Рожденные в года глухие...»). К сожалению, «Скифы», заключающие книгу, являют собою пример тех опустошений, какие может причинить принцип «рифма любой ценой» в переводе на французский язык. Чтобы срифмовать, например, combattre, Г. Ару позволяет себе ввести слово père,

бессмысленно буколическое, а потому совершенно неуместное. В результате получается такой зачин:

Oui, nous sommes des Scythes, barbares de l'Asie
Aux yeux avides, aux yeux brides, des pâtres!

Несовершенство, говоря откровенно, низкий уровень французского поэтического перевода дают себя знать в антологиях русской поэзии, которые появляются в значительном числе после 1947 г. Первой из них была антология Раиса и Робера (1947). Она обширна, оригинальна по составу (включены, скажем, Коневской, Хлебников, Елена Гуро — имена, неизвестные дотоле во Франции). Переводы «буквалистские», без всяких претензий на художественность, даже не пытающиеся воспроизвести ритм оригинала. О Блоке составители пишут: «Гибкий и сильный, прозрачный и точный, Блок лучше всех сумел выразить самое сокровенное в русской душе и русском пейзаже. Он самый русский из всех русских поэтов». «Двенадцать» в антологию не включены. Зато Раис и Робер привели в своей антологии отрывки из «Возмездия»³⁰. Результат, однако, тусклый, совсем непозитический, чтобы не сказать — невыносимый для французского уха. Подобные антологии, к сожалению, скорее отбивают, чем развивают вкус к русской поэзии у французской публики.

Вторая послевоенная антология составлена Жаком Давидом³¹; появление ее вызвало уничтожающую критику Георгия Адамовича³². Переводы ритмизованы, но их александрийские стихи утомительно монотонны. Поскольку они не только ритмизованы, но и рифмованы, появляется подзаголовок «переложение» (adaptation), а это значит, что умножается число как неточностей, так и «балластных» слов. Попадают и удачные строки, но, в целом, в памяти ничего не остается — как раз по причине слишком малого соответствия образам и ритмам оригинала. Удался лишь перевод стихотворения «Художник».

Затем, в 1949 г., выходит маленькая книга поэта Армана Робэна, озаглавленная «Четыре русских поэта» и включающая переводы из Маяковского, Пастернака, Блока и Есенина. Блок представлен только поэмой «Двенадцать». «Далеко не случайно, — пишет Робэн, — что Александр Блок, этот мечтатель, витающий где-то между Данте и Суинберном (и склоняющийся скорее к Суинберну), внезапно взорвал свою поэму в неистовой ночи и выпустил на волю эту эпопею „Двенадцати“, где с ветхого человека содрана вся кожа». Арман Робэн с полной точностью следует ритмам поэмы. По-видимому, он весь во власти ее поэтического дыхания, недаром в своем предисловии он заявляет: «„Двенадцать“ выводит нас за пределы нашего естества, мы обгоняем самих себя. Можно сказать, что эти стихи пришли из будущего и открывают нам истинную природу того, что мы творим сейчас». Но многочисленные неточности и даже грубые ошибки портят этот перевод.

В 1956 г. вышли новые переводы Блока, принадлежащие поэту Андре Пьо³⁴. Заголовок его книги — «Русские стихи от Пушкина до наших дней»

ALEXANDRE BLOK LES DOUZE

Traduit du russe par
Serge Romoff

Avec sept illustrations d'après les dessins de
Michel Larionow

ÉDITION D'ART
LA CIBLE

13, RUE BONAPARTE, PARIS

БЛОК. ДВЕНАДЦАТЬ.
ПЕРЕВОД С. РОМОВА.
Иллюстрации М. Ларионова
Париж, 1920
Титульный лист

с очень характерным подзаголовком: «Иноземные стихи, перенесенные во французскую поэзию». Книга появилась в издании «Компаньон дю Девуар дю Тур де Франс» (Париж); портрет Блока выполнен В. Андреевым по наброску К. А. Сомова. Блок представлен отрывками из «Розы и Креста», стихотворением «Россия» и «Скифами». «Скифы» переведены превосходно: богатство рифмы, точность в воспроизведении ритма, богатая лексика. Из всех французских переводов этого стихотворения перевод Пьо наилучший.

В 1959 г. Юбер Жюэн подготовил для отдельного издания сборник стихотворений Блока³⁵. Предисловие к блоковской антологии отдаленно связано с работами Софи Лаффит. Фантастические утверждения соседствуют в нем с неточностями: например, мать Блока была эпилептичкой, брак Блока с Любовью Дмитриевной продолжался с 1898 по 1906 и т. п. Что касается переводов Жюэна, то они не только лишены рифмы и метра, но и не сохраняют ни образов, ни даже смысла оригинала. Плачевных примеров хоть отбавляй. Вот один из них у Блока:

Опять, как в годы золотые,
Три стертых треплются шлеи,
И вязнут спицы расписные
В расхлябанные колеи...

(«Россия»)

Перевод:

A nouveau ainsi qu'au temps de l'âge d'or
celles qui guettent, les trois sorcières, frémissent
et vont leurs aiguilles et ce qu'elles tissent sont
des rayons enchanteurs
parmi les ornières défoncées, les sentes, semés...

Претенциозная бессмыслица (причем здесь Парки?) превратила сдержанную песню Блока в смехотворную абракадабру. Увы, Блок слишком часто оказывался во Франции жертвой этих непростительных покушений, находящихся на полпути между дилетантскими потугами и клеветой.

И все же в 60-е годы уровень перевода блоковского текста повышается. Прежде всего надо назвать антологию Кати Граноф с предисловием Бриса Парэна (1961)³⁶. В нее включены тринадцать произведений Блока, в том числе «Незнакомка», «О доблестях, о подвигах, о славе...», «На поле Куликовом», «Россия», «Двенадцать», «Скифы». Переводчица не позволяет себе отклоняться от правил французского стихосложения. К сожалению, старательная рифмовка вредит и точности, и спаянности строк, и даже связи между образами. Тем не менее есть удачи, как, например, «Я пригвожден к трактирной стойке...» или две короткие строфы «Ночь, улица, фонарь, аптека...», а также некоторые места из «Двенадцати».

Однако не во Франции, а в Бельгии появились лучшие переводы Блока. Они помещены в книге уже упомянутого нами бельгийского поэта и академика Робера Вивье. Самым своим названием («Traditore...») книга объявляет о намерении автора защитить переводческое ремесло и восстановить его во всех правах³⁷. «Traduttore traditore» — гласит итальянская поговорка. Но кто не изменник? — спрашивает Вивье в своем интересном предисловии. Изменник — читатель, по-своему воспринимающий текст. Изменник и поэт, передающий человеческим языком мысль, подслушанную на языке сверхчеловеческом. Подзаголовок книги Вивье показателен: «Попытка переложения французскими стихами окситанских, итальянских, румынских, польских и русских стихов разных эпох». Русская поэзия представлена Пушкиным, Тютчевым, Лермонтовым и прежде всего Блоком. Переведены двенадцать его стихотворений (при этом некоторым даны названия «от переводчика» — мы приводим их далее в скобках): «Предчувствую Тебя...» (с опущенным эпиграфом; озаглавлено — «Attente»), «Ты в поля отошла...» («Madone»), «Потемнели, поблекли

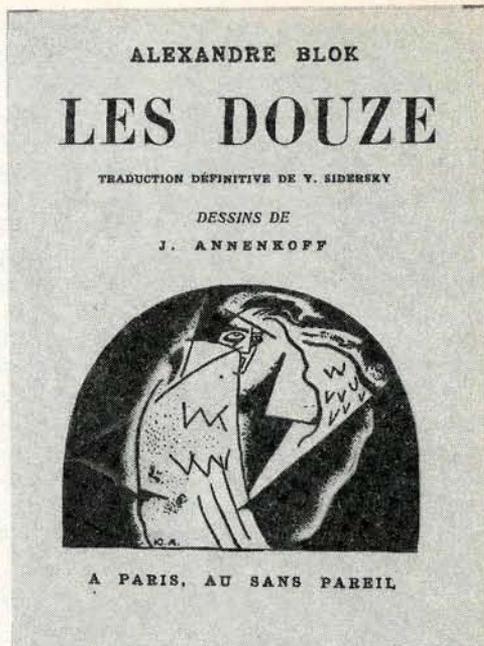
залы...» (с выдуманным заглавием — «Légende»), «День поблек, изящный и невинный...» (с французским заглавием первой публикации — «A l'ombre»), «В голубой, далекой спальне...» («Intimité»), «У берега зеленого на малой могиле...» («Enterrement»), «Улица, улица» («Ville nocturne»), «Я вышел в ночь — узнать, понять...» («Aux escoutes»), «Незнакомка», «Россия», «Когда в листе сырой и ржавой...» («Automne») и «Скифы». Переводы точны (за одним печальным исключением — см. «У берега зеленого...»). Но главное достоинство Вивье — это его умение согласовать французский стих с интонацией русского оригинала. Например, великолепен своей простотой перевод «России»:

De nouveau comme aux années d'or
 Bollotent trois longues usées,
 L'essien bigerré plonge encor
 Dans les ornieres défoncées...

В переводе «Незнакомки» замечательны дыхание, ассонансы, звучные и жесткие рифмы. Но самое большое достижение — перевод «Скифов»: почти дословная точность, высокая риторика, чередование восьмисложников и десятисложников, перекрестные богатые рифмы — все здесь, кажется, адекватно воссоздает оригинал, даже его синтаксические ракурсы:

Vous, millions. Nous nuées, nuées d'hommes.
 Allons, venez vous mesurer!
 Oui, Scythes, nous! Asiates nous sommes
 Aux yeux avides, étirés...

Нам кажется, продолжи Вивье свою работу над Блоком, может быть, действительно родился бы Блок по-французски. Во всяком случае, попытка Вивье — самая интересная, хотя бы потому, что Вивье остро переживает и прекрасно излагает все проблемы, которые возникают в переводческой работе. «Если бы поэзия, — пишет он, — сводилась только к непереводимому благозвучию, не оставалось бы ничего иного, как предоставить каждому народу одиноко наслаждаться своими акустическими или орфоэпическими радостями. Но вот русский критик Гофман так рассказывает нам о „Незнакомке“ в авторском чтении: „В этой поэзии было нечто большее, чем просто слова“, — и тогда я позволяю себе думать, что это не было связано только со звуковой сущностью слогов, как бы богата ни была эта музыка. То, что выходило за пределы слов — носителей поэзии, и создавало электризующую связь между поэзией и слушателями. Я позволяю себе думать, что жизненные токи, исшедшие от поэта, уносили аудиторию к самой первопричине поэзии, т. е. к тому смыслу, который еще за порогом речи, который, если бы Блок от рождения говорил на другом языке, мог бы вылиться в иных словах. Является желание сказать, что именно к этой поэзии до конкретного словесного воплощения и должен переводчик проложить путь, чтобы она обрела второе рождение. Однако я не дам воли этому желанию, помня, что импульс, который станет поэзией, пока он не облечется в слово, остается только стремлением



БЛОК. ДВЕНАДЦАТЬ.
 ПЕРЕВОД И. СИДЕРСКОГО.
 РИСУНКИ Ю. АННЕНКОВА

Париж, 1923
 Титульный лист

к бытию, а не поэтическим бытием. Нет, мы переводим не эмбрион, не устремление, а бытие в слове — и переводчик узнает о том, что произошло в глубинах души поэта только по ответам, которые дает сама поэзия на правильно заданные вопросы».

В 1963 г. Брис Парэн выпустил новую, переработанную редакцию своего перевода «Двенадцати». Философ, но, кроме того, прозаик и даже драматург, Парэн прежде жил в России; вплоть до своей смерти он вел серию русских переводов в издательстве «Галлимар». На этот раз «Двенадцать» появились в роскошном выпуске «Нуво Коммерс»³⁸. В предисловии излагается творческая история поэмы, приводятся цитаты из «Дневника» Блока. «Я думаю, — пишет Парэн, — что символизм был последней религией, объединявшей Европу, пока нынешние времена не принесли с собою разрозненности и гражданских распри: Малларме и его ученики во Франции, Р. М. Рильке и Стефан Георге в Германии, в России Блок и религиозно-философское общество. Символизм был сочетанием эстетизма и гнозиса. Он поддерживал европейскую интеллигенцию в ее борьбе за освобождение личности и за то понимание свободы, которое можно назвать тотальным или метафизическим. Блок решил порвать с символизмом, когда почувствовал приближение большевистской революции, в образе и поступи которой открывались черты нового откровения о будущем».

Что касается перевода Парэна, прекрасно ритмизованного, обогащенного многими лексическими находками, то это — один из лучших французских переводов «Двенадцати».

Двуязычная антология «Русская поэзия», изданная в 1965 г. Эльзой Триоле³⁹, представляет собою коллективную работу, в которой чрезвычайные трудности поэтического перевода приняты наконец в расчет. С этой точки зрения антология Триоле заслуживает особого внимания. В предисловии составительница раскрывает свой рабочий метод: девяти французским поэтам было предложено сделать переводы с русского, чтобы затем подвергнуть полученные тексты коллективному разбору. Идеальный результат, пишет Эльза Триоле, мог оказаться лишь «плодом чистой случайности»... Три стихотворения Блока — «Девушка пела в церковном хоре...», «Незнакомка» и «Скифы» — получил для перевода Франсуа Керебль. Шюзвиль, Э. Бикер и Ж.-М. Бордые также перевели «Девушка пела в церковном хоре...». Сопоставительное исследование этих четырех переводов было бы очень поучительно, хотя ни один из переводчиков не сумел до конца передать туманность, загадочность, мистическую и эгегическую тональность этого стихотворения. Александрийский стих, избранный Кереблем, отяжеляет и сковывает перевод. Наоборот, «Незнакомка», переведенная тем же поэтом, замечательна, возможно — именно из-за более смелого выбора размера (десятистолжник): перевод «скрежещет» и «мерцает», как оригинал, несмотря на несколько слабых рифм, которые портят целое. В «Скифах» задача облегчена тем, что ритм ораторской речи, который организует поэму, легче воспроизвести по-французски: французский язык питает особую склонность к риторике... Перевод Кереля помещен рядом с переводом Габриэля Ару. К сожалению, сам выбор этого стихотворения для антологии, где Блок представлен всего тремя произведениями, сомнителен: представление, которое французский читатель составит себе о Блоке на основании этого риторического отрывка, может оказаться ложным...

В 1967 г. вышла книжка переводов Габриэля Ару «Блок, Есенин, Маяковский, Пастернак — четыре поэта революции»⁴⁰. В ней перепечатаны переводы из Блока, уже появлявшиеся раньше, в их числе «Скифы», впервые напечатанные в «Ла Табль Ронд»⁴¹, а также переводы из книги Берберовой, о которой шла речь выше. Единственное произведение, которое не издавалось прежде, — «Двенадцать». Этот перевод прекрасный: ритм четкий, словарь богатый и точный, отмеченный вдохновением и мастерством в передаче диалога: ведь Ару прежде всего французский драматург. Он иногда уверенно «меняет» текст,

LES DERNIERS JOURS DU RÉGIME IMPÉRIAL

Rédigé d'après des documents inédits

PAR

ALEXANDRE BLOCK

PÉTROGRAD 1921

TRADUIT PAR HÉLÈNE ISWOLSKY

deuxième édition

nrf

PARIS

Librairie Gallimard

ÉDITIONS DE LA NOUVELLE REVUE FRANÇAISE

43, rue de Beaune (VII^{ème})

1931



БЛОК. ПОСЛЕДНИЕ ДНИ
ИМПЕРАТОРСКОЙ ВЛАСТИ.
ПЕРЕВОД Е. ИЗВОЛЬСКОЙ

Париж, 1931

Титульный лист

БЛОК. ДВЕНАДЦАТЬ. СКИФЫ

Париж, 1920

Иллюстрация Н. Гончаровой

пользуясь стилистическими «эквивалентами». Одним словом, Ару указывает тот путь, который, по нашему мнению, мог бы стать плодотворным для развития французского поэтического перевода.

В том же году две книги выпускает Элиан Бикер. Первая, «Двенадцать», напечатанная ин-кварто⁴², двуязычна — русская ее часть воспроизводит издание 1920 г., иллюстрированное Ю. Анненковым (Блок, как известно, сам настаивал на сохранении оригинального формата рисунков Анненкова). Предисловие отличается точностью и полнотой, приводит выдержки из «Дневника» Блока, из воспоминаний Ю. Анненкова и С. Алянского. Перевод — «академический»: он исправляет ошибки, накопленные предшествовавшими переводами (в том числе и переводом Ару), сохраняя в то же время некоторые удачные находки более ранних опытов. Но принцип дословной точности ведет к неуклюжестям стиля, например к инверсиям, едва ли допустимым в современном тексте.

Вторая книга⁴³ была подготовлена Бикер в сотрудничестве с Жаном Лалуа, который в 1943 г. уже печатал переводы из Блока в швейцарском журнале «Ветера эт Нова» под псевдонимом Жан Говэн, о чем мы упоминали выше. Сборник включены «Автобиография» 1915 г. и речь «О назначении поэта». Эти два прозаических текста обрамляют поэтическую подборку, в которую, среди прочего, входят «Девушка пела в церковном хоре...», «На поле Куликовом», «Коршун» и, конечно, «Скифы»; последнее стихотворение дало название сборнику. Качество переводов различно. Иные из них скверно ритмизованы. А как оправдать, например, что «Коршун» — два одинаковых шестистишья в оригинале — превращается в три неравных по объему строфы (6 + 5 + 4 строки)?

Отклики на обе книги Элиан Бикер появились в журналах «Прёв» и «Ла ревю сосьялист». В первом из них прозаик и переводчик Жан Бло хвалит

Бикер за то, что она поместила «Двенадцать» в соответствующий исторический контекст⁴⁴. Самое замечательное в поэме, для Ж. Бло,— это «авторитарность» Блока: он навязывает нам «слепой марш красногвардейцев», вой ветра и снежные вихри. Но заканчивается рецензия неожиданной нотой: «Двенадцать» не представляют собою, по суждению Бло, «поэтического феномена». Р. Пагас пишет, что из «Двенадцати» он больше узнал о «революционном Петрограде», чем из многочисленных исторических и социологических исследований⁴⁵.

В майском номере «Нувель Ревю Франсэз» за 1968 г. напечатаны пять стихотворений Блока в переводе Жан-Марка Бордые («Незнакомка», «Шаги Командора», «Девушка пела в церковном хоре...», «Я пригвожден к трактирной стойке...») и «Рожденные в года глухие...»). Переводы выполнены правильным стихом, богато и умело зарифмованы; чувствуется рука поэта. Недоумение вызывает, однако, отказ Ж.-М. Бордые от знаков препинания, что приводит к искусственной «модернизации» Блока. Однако работа Ж.-М. Бордые в любом случае заслуживает похвалы, хотя дальше этих пяти стихотворений дело не пошло⁴⁶.

Наконец, в 1974 г. в специальном двухтомном выпуске альманаха «Облик», посвященном легенде о Дон Жуане, в статье о русских французский славист Жан-Луи Бакес опубликовал свой перевод стихотворения «Шаги Командора». Он выполнен ввольных ритмах, без рифм. В своем комментарии Бакес ставит блоковское стихотворение в один ряд с пушкинским «Каменным гостем» и с «Дон Жуаном» А. К. Толстого. «Можно было бы,— пишет исследователь,— на основе других текстов Блока расшифровать „Шаги Командора” как трагедию о спасении. <...> Однако это значило бы пренебречь крайней двусмысленностью, свойственной всем персонажам блоковской поэзии, в особенности женским. Это также значило бы пуститься очертя голову в произвольные толкования, забывая о самом Командоре: каким образом это сгущение мрака и безмерного холода могло бы оказаться посланником Прекрасной Дамы?»⁴⁷.

Заканчивая обзор переводов, укажем на важную публикацию 1974 г.— сборник прозы Блока⁴⁸. Хотя книга вышла в Швейцарии, в лозаннском издательстве «L'age d'homme», она представляет собою один из выпусков серии, предназначенной главным образом для Франции, и подготовлена французским славистом Жаком Мишо. Сорок восемь статей Блока, собранные в ней, дают представление французскому читателю о нравственном, художественном, интеллектуальном и политическом развитии поэта. Мы находим здесь все главные «лирические» выступления Блока, от «Безвременья» до «О назначении поэта», рецензии, отзывы, написанные для театрального отдела Наркомпроса, и т. д. Краткие вступительные заметки и обширные примечания, заимствованные из V и VI томов советского издания 1962 г., очень полезны и поучительны для читателя. В небольшом предисловии Мишо подчеркивает взаимодополняемость стихов и прозы в творчестве Блока, органическое единство этой «прозы поэта», контраст между некогда декларированным принципиальным аполитизмом Блока и его крайним увлечением политикой в 1917 г.

Нам остается рассмотреть статьи и научные исследования, посвященные Блоку. Мы отмечали с самого начала, что некоторое число работ о Блоке появилось во Франции по-русски. Кроме уже упомянутой статьи Г. Адамовича в «Современных записках» (1930), нужно назвать также обширную монографию К. Мочульского, вышедшую в свет в 1948 г., небольшую работу Вл. Вейдле⁵⁰, а также совсем недавние фототипические переиздания — сборник «Памяти Блока», появившийся в Петрограде в 1922 г.⁵¹, и «Последние дни императорской власти»⁵². Была переиздана также книга К. Чуковского о Блоке (Париж)⁵³.

Книга Мочульского — добросовестная монографическая работа, она отличается богатым и тонким формальным анализом эволюции стиха Блока. Исследуется также духовный путь поэта: все ипостаси Прекрасной Дамы,

блоковская «религия музыки», его яростный бунт против «страшного мира», его философия «разрушения». Однако книга, хотя она основана на большом и хорошо проработанном материале, не безгрешна с научной точки зрения. Это посмертная публикация, и в ней чувствуется незавершенность.

Очерк Вл. Вейдле — попытка разрешить главную, по мысли автора, блоковскую загадку: как мог столь «религиозно-образный» поэт столь кощунствовать? Для Вейдле Блок — поэт «туманностей», поэт «сумбура». Вейдле разбирает все высказывания поэта о Христе, прежде всего в переписке с Евгением Ивановым, и блоковский Христос уже с 1905 г. ему кажется по-нестеровски бледным и чахоточным. А образ Христа из «Двенадцати» «в белом венчике из роз» вместо тернового венца навеян, по мнению критика, в большей степени Ренаном, нежели Евангелием. Этой «неудаче» изображения Христа в поэме, собственно, и посвящена маленькая книга Вейдле. «Нерукотворный ли Спас Успенского собора или благочестивая картина, художеству которой грош цена; евангельское ли слово или „цветы красноречия“, пусть и бумажные, пусть и насквозь отравленные цветочки; для сути того, что никогда не должно (по принуждению), но всегда может (вольною волей) произойти в слышащей и зрячей человеческой душе,— это совершенно безразлично». Вейдле утверждает, что главная боль Блока (о которой он пишет Н. А. Нолле 8 января 1921 г.) состояла в том, что поэт мучился своей «верой — неверием». Эта книга Вейдле не переводилась на французский язык. В другой книге того же автора, написанной и изданной по-французски, о Блоке заходит речь в связи с темой «Новой Америки» и культурного процветания «серебряного века»⁵⁴.

Что же до французской славистики, то она дала не слишком много в годы, последовавшие за появлением работы Софи Лаффит. Первая (хронологически) статья, посвященная Блоку, была опубликована в 1951 г. Автор ее — Рауль Лабри, который был научным руководителем диссертации С. Лаффит. Во время защиты он ставил в укор диссертанту то, что Блок рассматривается «вне времени и пространства». В статье 1951 г. «Александр Блок и Ницше» Лабри стремится показать, что Блок был хорошо знаком с трудами Ницше начиная со своих студенческих лет и что его взгляды на музыку и концепция вырождения культуры, уступающей место цивилизации, заимствованы из «Рождения трагедии»⁵⁵.

«Блок,— пишет Лабри, развивая давние замечания по поводу диссертации С. Лаффит,— не жил вне времени и пространства, замкнувшись в собственном „я“. (<...>) Напротив, он тесно связан почти со всеми важными событиями русской жизни. Он принимал личное участие в революции 1905 года и тяжело переживал ее поражение (<...>) Как секретарь комиссии, назначенной Временным правительством для расследования деятельности бывших царских министров, он знал все пороки старого режима. Он разделил все горести с Россией и размышлял о них».

Словно отвечая на критику своего учителя Лабри, Софи Лаффит опубликовала в 1957 г. в том же журнале статью «Западный символизм и Александр Блок», где главным образом рассматривается влияние Вагнера на Блока⁵⁶.

Две статьи принадлежат перу Робера Триомфа. Первая появилась в «Кайе дю Монд Рюсс э Советик» в 1960 г.⁵⁷ Исследование Триомфа претендует на «структуральность». Отмечая, что образы у Блока постоянно связываются в триады («город — лес или степь — горизонт»; «пригород — река или болото — другой берег»), Триомф утверждает, что эта троичная схема в равной мере применима к историсофским концепциям Блока: «интеллигенция — народ — новое общество»; схеме прошлого («Римская империя — варвары — христианство») отвечает схема будущего («капитализм — большевизм — новая религия»). Сама фигура Христа троична: Христос болотный — Христос-Старообрядец — Христос «Двенадцати». Той же схеме подчинена у Блока организация цвета: цвета внешние (мертвые) — белый — цвета посредствующие (фиолетовый) — цвета Второго Пришествия (чистые, т. е. золотой

ный профессором Паскалем в Венеции в 1955 г. на II конгрессе Ассоциации сравнительного литературоведения.

25—29 марта 1968 г. в Экс-ан-Прованс состоялась международная встреча ученых, посвященная русской идеалистической философии начала века. Профессор Робин Кембал сделал на этом конгрессе доклад «Блок и музыка». Доклады конгресса, однако, изданы не были (тексты выступлений хранятся в Национальной библиотеке в Париже).

В том же 1968 г. автор этого обзора напечатал статью «А. Блок и А. Белый: анализ переписки двух поэтов»⁵⁹. Это исследование опирается на внимательное изучение тома переписки, изданной в 1940 г., а также различных фрагментов, дополняющих эту публикацию, в частности цитат из книги Вл. Орлова «Пути и судьбы» (1963). Автор выделяет «кризисы», которыми отмечена эта переписка и которые связаны со своего рода ультиматумами А. Белого. Через эти «кризисы» автор статьи пытается определить интеллектуальную связь двух поэтов.

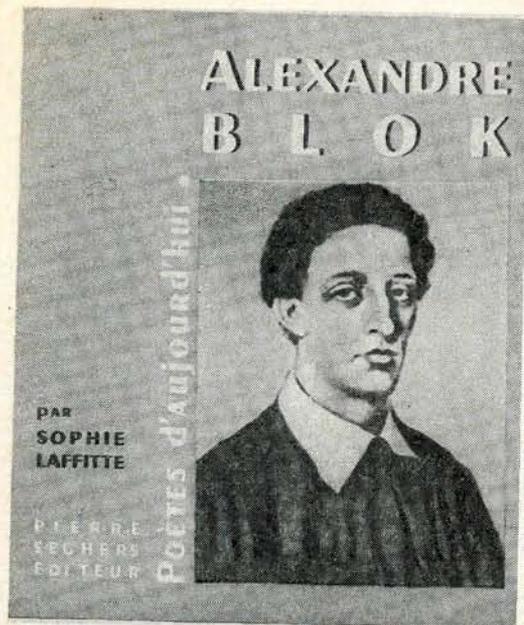
В том же томе журнала Франсуаз Фламан дает, в очень короткой статье, свое толкование предпоследнего стиха «Двенадцати» («В белом венчике из роз») ⁶¹. Она сближает и соотносит этот стих с самой первой статьей Белого, напечатанной в январе 1903 г. в журнале «Новый путь», указывая, что Блок выписал из нее восьмое предложение: «Розовое христианство должно стать белым, Иоанновым». Первый Христос (розовый) — Христос в оковах, второй (белый) — Христос освобожденный и торжествующий. Этот-то торжествующий Христос — благодаря предпоследнему стиху — и сообщает «Двенадцати» подлинное апокалиптическое значение. Это очень остроумная (хотя и предполагающая у Блока необыкновенную память и постоянство идей) догадка повторена автором и в другой публикации ⁶².

В 1969 г. Жак Мишо напечатал статью «Блок, народ и интеллигенция (к вопросу об одной теории, на материале прозы Блока)» ⁶³. Как ранее Триумф, Мишо подчеркивает интерес Блока (но, можно было бы сказать, всего русского символизма) к расколу и сектантству. Он говорит о доверии и восхищении, которые Блок питал одно время к Клюеву, и утверждает, что Блок был единственным «декадентским» интеллигентом, который защищал Горького и любовался им. Напомним, что речь идет о том самом Жаке Мишо, который позже, в 1974 г., опубликовал прозу Блока во французском переводе.

Можно еще упомянуть публикацию (по-русски) одного не издававшегося прежде текста, который в равной мере касается как Блока, так и Белого: «Примечания к моей переписке с Блоком», напечатанные автором настоящего обзора в 1974 г. ⁶⁴ Комментарий этот был составлен Белым в декабре 1926 г. Белый дает пояснения, письмо за письмом, к переписке 1903 г. (письма 1—35 в издании 1940 г.). Сквозь даль времен Белый набрасывает портрет «мистика, влекомого к образу» (Блок), и «философа, влекомого к музыке» (Белый). Этот текст чрезвычайно важен для реконструкции философско-мистических путей, пройденных самим Белым (как Белый представлял себе их в 1926 г., в свете антропософии). Но он освещает также отношения, сложившиеся в свое время, Белого с Блоком и с «соловьевством».

В том же 1974 г. в Сорбонне защищалась диссертация на соискание докторской степени; автором работы была Франсуаз Фламан, а темой — стихосложение Блока. Обзор литературы (продолжающий исследования Робина Кембалла, напечатанный по-английски) очень полон. Главный тезис работы: любое изменение размера у Блока отвечает особому эмоциональному состоянию поэта. К сожалению, диссертация Франсуаз Фламан по сей день не опубликована.

Итак, Блок во Франции известен, но известен мало. Его знают французские русисты, и можно утверждать, что в их работах о Блоке есть тематическое разнообразие и интересные идеи. Имя Блока часто встречается в учебных программах французских университетов и на конкурсных экзаменах, которые проходят выпускники, желающие получить место преподавателя в лицее. Блоку посвящались доклады на научных конференциях, в частности на



С. ЛАФФИТ. АЛЕКСАНДР БЛОК

Париж, 1958

Обложка

конгрессе в Экс-эн-Прованс в 1968 г. Творчество его было темой двух докторских диссертаций.

Но образованной французской публике Блок почти неизвестен. В самом деле, нет основного — бесспорных, эстетически убедительных поэтических переводов. Успешные работы, которые мы отмечали (Андре Пьо, Франсуа Керебль, Робер Вивье, Габриэль Ару, Брис Парэн), выполнены тремя поэтами, драматургом, прозаиком. Но они ограничиваются несколькими текстами и затеряны в редких, давно распроданных и не перепечатающихся изданиях. Не найдено никакого решения для передачи блоковского дольника — притом что ни один из больших современных поэтов не пишет больше правильным (регулярным) французским стихом. Слишком многие переводы выполнены русскими эмигрантами, которые не были поэтами и еще в меньшей мере — поэтами французскими. Вдобавок число переводившихся поэтических

произведений очень ограниченно: переводчики, за исключением Вивье, не выходят за тесные рамки одних и тех же текстов. «Двенадцать» переводилось раз десять, «Незнакомка» и «Девушка пела...» — раз шесть, и ни один из переводов не оказался в конечном счете жизнеспособным.

Этот очерк о Блоке во Франции хотелось бы закончить словами самого Блока о Гейне в России: условия для перевода его стихов может быть неблагоприятны, но сам поэт близок нам, как никогда. И, возможно, эта близость и любовь к Блоку, которая очевидна у многих, кто представлял русского поэта французскому читателю, в один прекрасный день воплотится в новые и лучшие переводы.

ПРИМЕЧАНИЯ

Единственная опубликованная библиография переводов Блока во Франции, равно как и появившихся во Франции работ о Блоке, принадлежит Аврил Пайман: «Материалы к библиографии Александра Блока. (Зарубежная литература)». — В кн.: «Блоковский сб.», 1, с. 569—572. Но библиография эта неполна.

Наши библиографические отсылки по самому своему назначению — пристатейного аппарата — не претендуют на полноту указателя по «французскому Блоку». Некоторые дополнительные сведения читатель найдет в интересных заметках Т. В. Балашовой «Александр Блок и Франция» («Русская литература», 1974, № 2, с. 74—82).

¹ E. Rais et J. Robert. Anthologie de la poésie russe. Paris, 1947.

² J. Chuzeville. Anthologie des poètes russes. Paris, 1914.

³ A. Blok. Les Douze. Paris, 1920.

⁴ «Le Flambeau», 1922.

⁵ A. Blok. Les Douze. Paris, 1923.

⁶ Александр Блок. Двенадцать. Скифы. Париж, б. г.

⁷ «Carté», 1922, N 4, p. 74.

⁸ Nouvelle Revue française, vol. XXX, mai 1928, p. 631—650.

⁹ A. Blok. Les derniers jours du régime impérial. Paris — Abbeville, 1931.

¹⁰ «Foi et Vie», 1922, 16 décembre.

¹¹ W. Monod. Les douze. Paris, 1923.

¹² Z. Hippus. Mon ami lunaire, Alexandre Blok. — Mercure de France, 1923, CLXI, p. 289—326.

- ¹³ Зинаида Гиппиус. Живые лица. Прага, 1925.
- ¹⁴ V. Pozner. Panorama de la littérature russe. Préface de Paul Hazard. Ed. Kra. Paris, 1929.
- ¹⁵ «Les Nouvelles littéraires», 1931, 15 juillet, N 461.
- ¹⁶ Алексей Ремизов. Ахру, повесть петербургская. Берлин, 1922. (Здесь первая глава называется «К звездам. Памяти Блока»).
- ¹⁷ «Современные записки», XLVII, Париж, 1937, с. 283—305.
- ¹⁸ V. Goriely, R. Baert. La poésie nouvelle en URSS. Bruxelles, 1928.
- ¹⁹ V. Goriely. Les poètes russes dans la révolution. Paris, 1934.
- ²⁰ M. Slonim, George Reavey. Anthologie de la littérature soviétique, 1918—1934. Paris, 1935.
- ²¹ J. Gauvain, E. Bickert. Alexandre Blok, poète de la tragédie russe.—«Nova et Vetera», Fribourg, 1943, N 3.
- ²² «Fontaine», 1942, janvier.
- ²³ S. Bonneau (Sophie Laffitte). L'univers poétique d'Alexandre Blok, suivi de Le drame lyrique d'Alexandre Blok. Bibliothèque de l'Institut d'Etudes Slaves. Paris, 1946. Эти две работы были первоначально напечатаны раздельно в издательстве «Лаверьн» в Париже, а затем сброшюрованы вместе под общей серийной обложкой изданий Института славяноведения.
- ²⁴ G. Bachelard. La terre et les rêveries de la volonté. Ed. Corti. Paris, 1948.
- ²⁵ G. Bachelard. La terre et les rêveries du repos. Ed. Corti. Paris, 1948.
- ²⁶ Les écrivains célèbres. Ed. Mazenod. N III, Paris, 1953, p. 202—203.
- ²⁷ S. Laffitte. Alexandre Blok. Ed. Seghers. Paris, 1958.
- ²⁸ Encyclopaedia Universalis, tome 3. Paris, 1958, p. 362—366.
- ²⁹ Nina Berberova. Alexandre Blok et son temps. Ed. du Chêne. Paris, 1947.
- ³⁰ Для беспорядка, царящего во французских переводах Блока, и для невнимания публики к этим переводам весьма характерно то, что существует по меньшей мере три различных перевода этого заглавия; ни один из них не был принят как окончательный.
- ³¹ J. David. Anthologie de la poésie russe, tome 1. Ed. Stock. Paris, 1946.
- ³² «Critique», Paris, 1948, N 36.
- ³³ A. Robin. Quatre poètes russes. Ed. du Seuil. Paris, 1949.
- ³⁴ A. Piot. Poèmes russes de Pouchkine à nos jours (Poèmes étrangers mis en poésie française). Ed. de Compagnons du Devoir du Tour de France. Paris, 1956.
- ³⁵ Alexandre Blok. Poèmes choisis. Présentés et traduits par Hubert Juin. Ed. Oswald. Paris, 1959.
- ³⁶ K. Granoff. Anthologie de la poésie russe du XVIII-ème siècle à nos jours. Ed. Gallimard. Paris, 1961.
- ³⁷ R. Vivier. Traditore... Essai de mise en vers français de poèmes occitans, italiens, espagnols, roumains, polonais et russes de diverses époques. Palais des Académies. Bruxelles, 1960.
- ³⁸ Le Nouveau Commerce. Cahier 2, Paris, 1963.
- ³⁹ Elsa Triolet. La poésie russe. Ed. Gallimard. Paris, 1965. (Есть переиздание 1971 г. с предисловием Романа Яacobсона).
- ⁴⁰ G. Arout. Blok, Essenine, Maïakovski, Pasternak, quatre poètes de la Révolution. Ed. de Minuit. Paris, 1967.
- ⁴¹ La Table Ronde. 3-ème cahier. Paris, 1963.
- ⁴² A. Blok. Les Douze. Ed. bilingue. Traduit et présenté par Eliane Bickert. Librairie des Cinq Continents. Paris, 1967.
- ⁴³ A. Blok. Les Scythes et autres poèmes. Traduit par Eliane Bickert et Jean Laloy. Librairie des Cinq Continents. Paris, 1967.
- ⁴⁴ «Preuves», Paris, juin 1967, N 196.
- ⁴⁵ «La Revue socialiste», Paris, juin 1967, N 204.
- ⁴⁶ Nouvelle Revue française. 16-ème Année. Paris, Mai 1968, N 185, p. 955—960.
- ⁴⁷ Obliques N 5. Don Juan. Analyse d'un mythe. Vol. 2, p. 47—52.
- ⁴⁸ A. Blok. Oeuvre en prose. Traduit et annoté par Jacques Michaut. Ed. L'Age d'Homme. Lausanne, 1974.
- ⁴⁹ К. Мочульский. Александр Блок. Париж, 1948.
- ⁵⁰ В. Вейдле. Приношение к кресту на могиле А. А. Блока. Париж, 1974.
- ⁵¹ Памяти Блока (доклады Белого, Иванова-Разумника, Штейнберга). С изд. 1922. Париж, 1971.
- ⁵² А. Блок. Последние дни императорской власти. С изд. 1921. Изд. де Сяальски. Париж, 1978.
- ⁵³ К. Чуковский. Книга об Александре Блоке. С изд. 1922.
- ⁵⁴ W. Weidle. La Russie absente et présente. Ed. Gallimard. Paris, 1949.
- ⁵⁵ Revue des Etudes Slaves, tome 27. Tome jubilaire en hommage à André Mazon. Paris, 1951, p. 201—208.
- ⁵⁶ Revue des Etudes Slaves, tome 33. Paris, 1957, p. 88—94.
- ⁵⁷ Cahiers du Monde Russe et Soviétique, vol. 1, tome 3, avril 1960, p. 387—417.
- ⁵⁸ Revue des Etudes Slaves, tome 38 en hommage à Pierre Pascal. Paris, 1961, p. 197—206.
- ⁵⁹ C. Veneziana. Studi 8 juillet 1961. Venezia, p. 221—229.
- ⁶⁰ Revue des Etudes Slaves, tome 45. Paris, 1966, p. 145—164.
- ⁶¹ Revue des Etudes Slaves, tome 45. Paris, 1966, p. 91—92.
- ⁶² Cahiers de Linguistique, d'orientalisme et de slavistique. Publications de l'Université de Provence, N 3/4, p. 55—70.
- ⁶³ Cahiers du Monde Russe et Soviétique, vol. X, tome 3/4. Paris, 1969.
- ⁶⁴ Cahiers du Monde Russe et Soviétique, vol. XV, tome 1/2. Numéro spécial littéraire «Autour du symbolisme russe». Paris, 1974, p. 83—104.